

ДЕТЕКТИВЫ НИКОЛАЯ СВЕЧИНА

НИКОЛАЙ СВЕЧИН

**ОДЕССКИЙ ЛИСТОК
СООБЩАЕТ**

Москва
2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С24

Дизайн серии *Андрея Саукова*

Иллюстрация на переплете *Филиппа Барбышева*

Свечин, Николай.

С24 Одесский листок сообщает : [роман] / Николай Свечин. — Москва : Эксмо, 2019. — 320 с.

ISBN 978-5-04-103020-9

Помощник Лыкова титулярный советник Азвестопуло поехал к родителям в Одессу, и там случилось несчастье. Бандит-изувер Степан Балуца убил стариков в их собственном доме. Лыков срочно прибыл на помощь Сергею, чтобы вместе с ним найти и наказать негодяя. Одновременно Военное министерство попросило Столыпина послать туда же опытного разыскника. Немецкие шпионы раздобыли секретный план минирования Одесской бухты на случай войны. Лыков с Азвестопуло вынуждены вести два дознания одновременно. Дело идет туго: в фартовом городе нелегко найти фартового человека. Кроме того, в Одессе много немецких колонистов, и они чуть не поголовно работают на германскую разведку. Шпионы, налетчики, контрабандисты – все сплотились против сыщиков...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-103020-9

© Свечин Н., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

ГЛАВА 1

Без помощника

В середине марта 1909 года к Лыкову пришел Азвестопуло и положил на стол какую-то бумагу.

— Что это? — спросил коллежский советник.

— Прощение на имя министра внутренних дел, — пояснил Сергей.

Алексей Николаевич взял лист и начал читать. Его помощник просил министра перевести его на службу в Одесское градоначальство по семейным обстоятельствам.

— Объясни, что случилось, — потребовал Лыков, снимая очки.

— Отца вчера хватил удар. Соседка прислала телеграмму. Он в сознании, но не двигается и не говорит. Надо переводиться, другого выхода нет. Матушка...

Сергей запнулся, потом продолжил:

— Сами понимаете: кому нужны два беспомощных старика?

Лыков понимал. Мать Азвестопуло уже десять лет как была парализована. Отец Сергея за ней ухаживал, поскольку на сиделку пенсии не хватало. Сын помогал, пока Лыков не забрал его в столицу. Каждую сэконом-

ленную копейку он отсылал в Одессу и несколько раз в год навещал родителей. Вечно так тянуться не могло. Коллежский советник ожидал другого исхода, ожидал и страшился: Сергей очень любил матушку... Но жизнь распорядилась иначе. М-да...

— Съезди, проведай и возвращайся, денег на сиделку я дам.

— Ага! Двое лежачих — кто заменит им сына? Как я смогу остаться здесь?

— Я и говорю: съезди. Узнай, в каком состоянии отец. Может, Манол Георгиевич отойдет? Удары разные бывают. Не спеши с рапортом министру. Сядь.

Азвестопуло сел, на нем не было лица.

— Возьми отпуск по семейным обстоятельствам на две недели. Там будет видно. Мария с тобой поедет?

Титулярный советник замотал головой:

— Она плохо переносит беременность. Да и какой там от нее толк с брюхом?

Молодая жена Сергея была на шестом месяце.

— Правильно, скатайся сначала один. Займи у меня двести рублей и езжай, рапорт у Зотова я сейчас напишу. И не кисни раньше времени, ты пока ничего не знаешь. У Благово тоже случился удар, и что? Год еще после этого прожил, и ходил, и разговаривал, только буквы забыл.

Лыков заставил помощника переписать рапорт и отправился к директору департамента. Им сейчас являлся действительный статский советник Зотов. Трусевич с 9 апреля подал в отставку и теперь ожидал назначения сенатором. Максимилиан Иванович взбрыкнул, поскольку почувствовал себя оскорбленным. Дело в том, что в МВД была воссоздана должность товарища министра — заведывающего полицией. И Трусевич почему-то решил, что это место открыли для него... Он уже

позвал на банкет своих приятелей, обдумывал меблировку нового кабинета. Неожиданно товарищем министра был сделан Курлов. Генерал служил начальником Главного тюремного управления, а до того шесть месяцев исполнял обязанности вице-директора Департамента полиции. То есть был у Трусевича в подчинении. И вдруг выскочил в начальники! Такого самолюбивый пан стерпеть не мог и написал прошение об отставке.

Алексея Николаевича эти пертурбации не занимали. Конечно, с Трусевичем у него ладилось, хотя иной раз они сцеплялись. Но и Павел Григорьевич Курлов являлся умным человеком, пусть и интриганом с тяжелым характером. Однако положение коллежского советника в департаменте было твердым. Столыпин, давно отошедший от ежедневного управления МВД, часто дергал сыщика через голову непосредственного начальства. Зотов, аккуратный служака и опытный бюрократ, относился к этому спокойно. Лишь бы его не трогали...

Нил Петрович выслушал Лыкова и тут же завизировал рапорт титулярного советника Азвестопуло. Полицейские заскочили в банк, сняли со счета Алексея Николаевича деньги, после чего разделились. Сергей поехал к себе собирать вещи, а его начальник отправился в билетные кассы. Он предъявил служебный проездной и выписал билет до Одессы на ближайший курьерский поезд. Махинация была противозаконной — Азвестопуло не полагался бесплатный проезд, — но сэкономила ему сорок рублей. И Лыков без зазрения совести использовал свое привилегированное положение чиновника особых поручений.

Он довел дело до конца: забрал Азвестопуло из дома, отъез на вокзал и лично посадил в вагон. На прощание сказал:

— Как только разберешься, телеграфируй.

Остаток дня Алексей Николаевич был хмур. Он привык к Сергею, ценил его, и потеря такого помощника поставила бы его в весьма затруднительное положение. Ольга Владимировна пыталась утешить мужа:

— Не спеши тужить. Я знаю много случаев, когда люди после инсульта выздоравливали.

— Здесь другое, — вздохнул сыщик. — Даже если отец Сергея оправится, все равно он будет уже не тот. И ухаживать за больной женой ему станет не по силам.

— Наймет сиделку.

— Ни ему, ни сыну это не по карману. А деньги у меня Сергей брать стесняется — не с чего отдавать. Когда же Мария разродится, тем более каждая копейка будет на счету... Нет, плохо дело.

Алексей Николаевич помолчал, колебался, говорить или нет. Потом продолжил:

— А еще в Одессе ему находиться опасно. Могут припомнить старое.

— Кто? Уголовные?

— Да. Вот времена настали, язвы их в душу!

— Не бранись, а поясни, — остановила мужа Ольга Владимировна. — Насколько это вероятно? Напасть на чиновника полиции — висельное преступление. Много ли найдется таких отчаянных?

— Раньше, ты права, это не могло присниться и в страшном сне. А после пятого года все переменялось. Нас убивали как собак, от Варшавы до Читы. И в той же Одессе немало пролилось крови. Когда я забрал оттуда Сергея, он был «демоном» — полицейским агентом, внедренным в банду. Три десятка налетчиков поехали на каторгу, двоих повесили, одного пристрелили при аресте. И это еще не самое плохое.

Лыков нахмурился, как сыч:

— Хуже всего дело, что мы дознавали в прошлом году. Тогда в Тираспольском уезде, в селе Слободзея, разложили голову еврею-арендатору. И тем же способом убили всю его семью: жену и семерых детей. Еще тетку и случайно зашедшего к ним в дом учителя. Общим счетом порешили одиннадцать человек.

Супруга торопливо поставила стакан с горячим чаем и прижала руки к груди:

— Не может быть! И детей не пощадили?

— Самой маленькой тоже проломили голову, но она выжила. Остальные нет.

— Что же это за люди такие?! Как у них рука поднялась на крошек?

— А они и не люди. Скорее из числа зверей.

Сыщик встал и принялся ходить по гостиной.

— Всю свою жизнь я избавляю от них общество! А они не переводятся. Конечно, даже самый кровавый психопат скорее отберет жизнь у взрослого, а дитя стороной обойдет. Настоящих зверей единицы. Но ведь нет-нет да опять отыщется такой!

Он сильно приложился кулаком о столешницу, выпустил пар и немного успокоился.

— Много лет назад в Забайкалье я повесил одного такого нелюдя на сосне. Он мучил маленьких детей, пытая, где спрятана отцовская казна♦. Потом бог миловал, долго не попадались... В девятьсот пятом как будто плотину прорвало: столь лютые зверства, что хоть сам вешайся с отчаяния. Я тебе не рассказывал всего и никогда не расскажу, но поверь: пределов человеческой жестокости нет.

♦ См. книгу «Между Амуром и Невой». (Здесь и далее примеч. автора.)

— Леша, ты прав, что бережешь меня. Но продолжи про Сергея Маноловича. Сам сказал: то страшное массовое убийство было в Тираспольском уезде. Не в Одессе! Почему же твоему помощнику опасно возвращаться туда?

— Потому что заправилы прячутся там. Мы поймали троих убийц, а двое ускользнули. В том числе главарь, который руководил этой волчьей стаей. Его зовут Степан Балуца. Из числа пойманных двоих скоро будут судить и наверняка повесят. А третий пытался сбежать из камеры следователя, и конвойные его пристрелили.

— Правильно сделали, — заявила обычно добрая Ольга Владимировна.

— Этот третий был брат Степки, Агафон Балуца. Тварь, каких свет не видел... Степка, если верить осведомителям, поклялся отомстить за брата. Наводил о нас с Азвестопуло справки, узнавал фамилии, где живем и все такое. Сам при этом спрятался так, что мы не сумели его найти. Вернулись в Петербург и забыли об этой мрази. Здесь его можно не опасаться. Но Балуца скрывается в Одессе, сведения точные. И сейчас Сергей просит перевести его на службу в местное градоначальство, если подтвердится, что его родителям нужен уход. Поняла теперь?

— Ты здесь, а он там один... — подытожила Окошниковна. — Один против зверей. Теперь я тебя поняла.

Супруги помолчали и заговорили о другом. В тот вечер они больше не возвращались к этому вопросу. Лыков копался в бумагах, которые взял со службы. После морака девятьсот пятого года общественная жизнь немного успокоилась. Самых отчаянных или повесили, или закупили в тюрьмы. Но взбудораженная чернь попробовала крови, и это имело серьезные последствия. Бандиты и политические экспроприаторы соединились в одну рать. Уголовники потеряли страх перед полицией. А полицейские, как следствие, начали дрейфить перед фартовыми. За копеечное жалованье идти на ножи же-

лающих становилось все меньше. Обыватели презирали «фараонов», служба в полиции считалась чуть ли не бесчестьем. Внутри остывающего вулкана по-прежнему все бурлило. Время от времени наружу выбрасывало то одну погань, то другую.

Лыков по своей должности занимался особо сложными или кровавыми делами. Они с Азвестопуло только что отличились: предотвратили крупное ограбление. Настолько крупное, что, удайся экс, ему не было бы равных в истории. На пароходе «Цесаревич» общества «Кавказ и Меркурий» должны были отправить из Баку в Темир-Хан-Шуру миллион триста тысяч рублей на пополнение наличности тамошнего казначейства. Сведения о готовящемся нападении первым получил Лыков, через своего осведомителя в среде грузинских гайменников. Узнал в Петербурге то, что не смогли пронюхать в Баку! Шайку налетчиков возглавлял князь Мачавариани, бывший околоточный, а теперь базарный смотритель. Князь собрал два десятка головорезов, которые спрятались на «Цесаревиче» в день отплытия. Они должны были напасть на охрану казначейства, когда пароход выйдет в море. Готовилась бойня: конвой состоял всего из семи человек при офицере. Их бы перерезали, но полиция упредила бандитов. Сходню уже начали убирать, как вдруг на пирсе появился отряд городских под командой бакинского полицмейстера капитана Шервуда. Впереди всех шел коллежский советник Лыков с пистолетом в руке, следом — Азвестопуло. Они действовали так решительно, что никто не осмелился сопротивляться. Как потом выяснилось, среди двадцати боевиков были не только анархисты, абреки и налетчики, но и люди с положением в обществе. Алексей Николаевич получил очередное монаршее благоволение, а Сергей — сто рублей наградных. И вот теперь такую

пару сыщиков судьба намеревалась развести по разным городам...

Но горевать коллежскому советнику было некогда. Днями его вызвали к Столыпину и приказали помочь военным в щекотливом деле. Причем срочно, бросив все другие дознания. Оказалось, что при тайном прочтении письма германского агента обнаружили загадочный листок. Карта не карта, план не план; какой-то рисунок, сделанный неумелой рукой. И на нем подписи: пост № 1, наблюдательный пункт, маяк... В центре рисунка непонятное обозначение: «сп. ст. «Г-л. З». «Г-л» более всего походило на указание чина: генерал-лейтенант. Но почему он под цифрой три? Почему закавычен? Кто этот человек? Что такое «сп. ст.»?

Алексей Николаевич просидел над бумагами до полуночи, но ничего убедительного не придумал. «Сп. ст.» — это, возможно, специальная станция. Или спиртоочистительная. Генерал номер три, или это не число, а буква «З»? Тогда его фамилия начинается на эту букву? Нужно посмотреть «Роспись всем генералам».

Утром в дурном настроении Лыков пошел на Дворцовую площадь в Генеральный штаб. Там его ждал хороший знакомый, пользовавшийся уважением сыщика, — подполковник Лавров. Владимир Николаевич возглавлял Разведочное отделение ГУГШ♦, занимавшееся охотой на шпионов. В армию он перешел в 1903 году из Отдельного корпуса жандармов. Тогда военный министр выбил наконец-то из Министерства финансов деньги на создание противозащитной службы. Результат был аховый: людей разрешили взять мало, финансировали службу через пень-колоду. Едва-едва хватило на постановку дела в столице, о полноценной контрразведке мечтать не приходилось. Отделение было совершенно секретным, отсутствовало в штатах Военного министерства, и даже

♦ ГУГШ — Главное управление Генерального штаба, т.е. собственно Генштаб.

местоположение его являлось государственной тайной. Лавров, выходец из ОКЖ, обладал и знаниями о тайных операциях, и навыками строевого офицера. Он наладил слежку за военными агентами из стран — потенциальных противников в будущей войне. Под его надзор попали немцы, австрийцы, болгары, турки, шведы и румыны. Военные агенты, шпионы, так сказать, официальные, вывели контрразведчиков на свое окружение. В результате люди Лаврова добыли загадочную схему, перлюстрировав письмо бухгалтера «Конторы для выдачи справок о коммерческой кредитоспособности» фон Циммермана. Контора формально собирала справки о репутации заемщиков, на деле же была резидентурой германской разведки в Петербурге.

Алексей Николаевич столкнулся со службой Лаврова, когда дознавал таинственную смерть ученого Михаила Филиппова♦. Тогда еще ротмистр, Владимир Николаевич показал себя с хорошей стороны и сразу добился результатов. К сожалению, его затерли в межведомственных дрязгах. По-настоящему ловлей шпионов в России не занимался никто. Обязанности по контрразведке были возложены на ОКЖ и на Четвертое отделение Особого отдела Департамента полиции. Увидев в Лаврове конкурента, департаментские вместе с жандармами сразу решили избавиться от него. Темные личности вроде ротмистра Комиссарова и мошенника Манасевича-Мануйлова слепили контору, которая принялась следить за послами. Контора называлась Секретное отделение дипломатической агентуры Департамента полиции. Деятельность отделения была еще более законспирирована. Люди Манасевича вскрывали переписку дипломатов, а их прислугу вербовали в осведомители. Притом что она уже была до этого куплена Лавровым... В результате военная контрразведка оста-

♦ См. книгу
«Лучи смерти».

лась только на бумаге. МВД несколько лет пыталось сожрать ее окончательно, и лишь упрямство пары генералов (в том числе Таубе) спасло службу. В 1906 году слухи о проделках Манасевича попали в прессу, и дипломатическая агентура была ликвидирована. Однако Разведочное отделение так и не вернуло себе прежние полномочия в полном объеме. Оно контролировало лишь Петербургский военный округ, сил на большее не хватало. Трусевич вышел на Столыпина с инициативой активизировать эту деятельность. В декабре 1908 года была создана Межведомственная комиссия по контрразведке, в которую вошел и Лыков. Комиссия разработала предложения о создании особых контрразведывательных органов — военно-розыскных бюро. Они должны были войти в состав районных охранных отделений, то есть руководил бы ими Департамент полиции. Столыпина, а тем более Трусевича, это вполне устраивало, и они сломали Военное министерство. Реорганизации помешала внезапная отставка Максимилиана Ивановича. Новому начальству МВД и Департамента полиции дополнительная ответственность была не нужна. Сменился и военный министр. Занявший этот пост Сухомлинов тем более никому ничего дарить не собирался. И создание российской контрразведки спустили на тормозах.

В итоге отделение Лаврова осталось в составе военного ведомства и продолжило работу. И сейчас благодаря связям с «черным кабинетом» Лаврову удалось добыть что-то интересное. Он связывал с этим надежды на расширение полузакрытой службы. Владимир Николаевич очень рассчитывал на помощь Лыкова и теперь ждал от него чуда.

Сыщик это понимал, но с чудесами не ладилось. Вдвоем с Лавровым они перебрали разные варианты,

и так и эдак пытаюсь расшифровать загадочные буквы. Наконец Владимир Николаевич сообразил:

— Маяк! Надо спросить у флотских. Может, схема относится до их ведомства?

— Кроки порта или гавани? — подхватил Алексей Николаевич. — А почему нет? Но как мы убедимся?

— Поедем в Морской Генеральный штаб, — решительно заявил подполковник.

— Там есть кого спросить?

— Найдется. Моряки обдумывают создание собственной разведки. Уже нашли человека для руководства ею, капитан-лейтенанта Доливо-Добровольского. Он толковый офицер! Я ему сейчас телефонирую.

— Едем.

Толковый офицер оказался на месте и согласился с ними встретиться. Сыщик с контрразведчиком отправились в Адмиралтейство. Там загадка схемы разрешилась на удивление быстро.

Доливо-Добровольский, увидев незнакомого штатского, сначала напустился. Но, услышав фамилию, тут же поинтересовался:

— Павел Алексеевич Лыков-Нефедьев кем вам приходится?

— Прямой потомок, — хмыкнул сыщик.

— Рад познакомиться, Алексей Николаевич! Ваш сын — самый способный во всем Пятом делопроизводстве. Иметь с ним дело — одно удовольствие.

— А барон Таубе всегда его осаживает, говорит, что неуч.

— Вы и Виктора Рейнгольдовича знаете?

— Знаю. С тысяча восемьсот семьдесят девятого года.

Флотский снобизм сразу слетел с капитан-лейтенанта.